

5. Добровольська О. Я. Реконструктивні можливості середньоанглійської антропонімії (доповідь на XVI Міжнародній науковій конференції ім. проф. Сергія Бурого 25-29.06.2007) (у друці). Видавничий Дім Дмитра Бурого (www.burago.kiev.ua)
6. Добровольська О. Я. Реконструкція семантики апелітивів середньоанглійської мови на основі даних історичної антропонімії //Науковий вісник Волинського державного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. № 4. – Луцьк, 2007. – С. 14-19.
7. Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X-XII вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 298 с.
8. Штокмар В. В. История Англии в средние века. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – 184 с.
9. Fransson G. Middle English Surnames of Occupation. Lund, 1935.
10. Lipson E. The Economic History of England. – London, 1956. – 696 p.
11. Morton A. L. A People's History of England. – Berlin: Seven Seas Publishers, 1974.
12. Myers A. R. England in the late Middle Ages. – Harmondsworth, 1978. – 285 p.
13. Otto G. Die Handwerkernamen im Mittelenglischen. – Böttrorp, 1938. – 99 p.
14. Thrupp S. L. The merchant class of Medieval London (1300-1500). – Chicago, 1948.

Долгополова Л. А.

ИНФИНИТИВ В СОСТАВНОМ СКАЗУЕМОМ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ *SCULAN* И *WELLEN* В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение истории языковых явлений продолжает оставаться в центре лингвистических исследований, утверждая мысль о том, как постепенная эволюция языка привела, в конечном счете, к его современному состоянию. Известно, что особенно чутко на все новое реагирует словарный состав языка, однако постоянные сдвиги наблюдаются и в области грамматики, которые, накапливаясь, приводят время от времени к принципиальным изменениям в системе.

Развитие грамматического строя языка представляет собой сложный процесс, в который включены единицы разных уровней. Наряду с разработкой общетеоретических проблем исторического языкознания необходимость углубленного исследования языка вызывает потребность изучения отдельных языковых единиц с учетом их специфики.

Актуальность данной работы обусловлена постоянно растущим интересом к изучению эволюции языка и установлению основных тенденций дальнейшего его развития.

Новизна нашего исследования заключается в комплексном анализе инфинитива древневерхненемецкого периода, что до настоящего времени не являлось предметом отдельных лингвистических исследований.

Объектом изучения являются структурные, семантические и функциональные особенности инфинитива в сочетании с модальными глаголами в древневерхненемецком языке.

Целью исследования является комплексный анализ сложного сказуемого, в состав которого входят модальные глаголы и инфинитив, что предусматривает решение таких задач:

- анализ структурных особенностей инфинитива древневерхненемецкого периода;
- установление функциональных особенностей сложного сказуемого с модальными глаголами *sculan* и *wellen* и инфинитивом.

Источниками фактического материала послужили языковые памятники древневерхненемецкого периода (VIII-IX вв.), представляющие собой преимущественно тексты религиозного характера (молитвы, притчи, евангелие), а также заговоры, отрывок эпической песни о Хильдебранде, надписи. В языковом отношении анализируемые нами рукописи проявляют разнообразие форм, поскольку написаны на разных диалектах (баварский, среднефранкский, рейнскофранкский, алеманнский).

Инфинитив рассматривается нами как грамматическая форма глагола, обладающая как глагольными, так и именными свойствами. На современном этапе развития немецкого языка именные признаки инфинитива проявляются, прежде всего, в выполнении им определенных синтаксических функций. В то же время, инфинитив не способен участвовать в предложении в роли сказуемого, характерной для финитной формы глагола. Глагольными признаками инфинитива считают его семантическую основу (категориальное значение процесса или состояния), а также сохранение таких глагольных категорий, как категория залога и времени.

Двойственный характер инфинитива заложил основу неоднозначного подхода к установлению его статуса в современной лингвистике. В истории изучения инфинитива можно выделить два основных подхода: инфинитив рассматривается как *именная форма глагола* или *переходная форма глагола в существительное*. Изучение эволюции инфинитива отдельно взятого языка не претендует на полное решение вопроса о глагольном или именном статусе инфинитива, но поможет высветлить некоторые моменты названной проблемы.

Немецкий язык входит в группу западногерманских языков индоевропейского происхождения. Согласно традиционной периодизации, предложенной Якобом Гримом, эпохой начала формирования немецкого языка принято считать V-VIII вв. Этот период, длившийся до XI столетия, получил название *древневерхненемецкий (Althochdeutsch)* период. В лингвистической литературе он также известен как *ранненемецкий (Frühdeutsch)* [7], *немецкий язык раннего средневековья (Deutsch des Frühmittelalters)* [8].

Лингвисты признают тот факт, что инфинитив существовал уже в индоевропейском языке. Вместе с причастием он образовывал группу инфинитных (неличных) форм глагола.

Исследования германских языков, проводимые ведущими советскими лингвистами (М. М. Гухман, В. М. Жирмунский, Э. А. Макаев, В. Н. Ярцева) во второй половине XX века, показали, что система именных форм германского глагола была представлена «одним инфинитивом и двумя причастиями. Сам состав неличных форм предполагал... совершенно иное распределение грамматических категорий, чем в личных формах» [6, с. 271]. Учеными были сделаны следующие выводы, которые легли в основу нашего дальнейшего исследования:

- общегерманская форма инфинитива представляет собой генетически отглагольное имя с огласовкой презентной основы и суффиксом -no-;
- германский инфинитив нейтрален в залоговом и временном отношении;
- инфинитив является результатом включения в глагольную систему одной из существовавших моделей отглагольных имен;

- инфинитив представляет собой застывшие падежные формы разных отглагольных имен;
- формы инфинитива в индоевропейских языках образовались в результате индивидуального развития отдельных групп, поэтому они нетождественны генетически;
- статус германского инфинитива на -но- в глагольной системе не представляет собой какой-либо инновации; он однотипен положению этой категории в большинстве древних индоевропейских языков;
- инфинитив в сочетании с глаголами начинания либо с модальными глаголами образуют формы со значением футурума [6, с. 257].

Таким образом, инфинитив общегерманского периода в большей мере проявлял именные признаки, чем глагольные; его морфологические функции ограничиваются только участием в образовании аналитической формы будущего времени.

Отдельных исследований неличных форм глагола древневерхненемецкого периода не проводилось. В трудах по истории немецкого языка В. М. Жирмунского [3], В. Шмидта [8], О. И. Москальской [5], Л. Р. Зиндер, Т. В. Строевой [4], В. Г. Адмони [1] мы можем найти общую характеристику описываемого нами явления.

В. М. Жирмунский рассматривает инфинитив как отглагольное существительное, вошедшее в систему глагола и имеющее свойственные глаголу признаки вида, времени, залога. В основе образования лежит глагольная основа настоящего времени, к которой присоединяется именной суффикс -n-. Исследователь отмечает, что «рядом с обычным инфинитивом в древневерхненемецком (как и в других западногерманских языках) существовали формы родительного и дательного падежей... Эти западногерманские формы склоняемого инфинитива получили название «герундия» (gerundium) по аналогии с латинской грамматикой, где этим термином обозначается отглагольное существительное, по своему значению соответствующее косвенным падежам инфинитива» [3, с. 273]. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева рассматривают герундий как одну из именных форм глагола, отграничивая его от неизменяемого инфинитива [4, с. 110].

Рассмотрим особенности структуры и функционирования несклоняемого инфинитива в составе сложного сказуемого с модальными глаголами. Несклоняемый инфинитив древневерхненемецкого периода сохраняет общегерманскую трехчленную структуру:

основа + основообразующий суффикс + суффикс инфинитива (-n-)

Глаголы слабого спряжения разбиваются по типу основообразующего суффикса на три класса:

1. глаголы с основой на **-ja-**: *fulljan*;
2. глаголы с основой на **-o-**: *machon, tuon*;
3. глаголы с основой на **-e-**: *horen, stinchen*.

Глаголы сильного спряжения имеют глагольную основу на **-a-**: *neman, suochan*.

Сохранение основообразующего суффикса особенно четко проявляется в образовании инфинитива, поскольку в древневерхненемецком периоде происходит изменение структуры слова за счет вытеснения основообразующего суффикса. При спряжении глаголов этот суффикс может вообще отсутствовать.

Древневерхненемецкий язык располагает рядом таких модальных глаголов: *sculan/scolan* (sollen), *wellen/wellan/wollen* (wollen), *kunnan* (können), *durfan* (dürfen), *mugan/magan* (mögen), *muozzan* (müssen). Формы составного сказуемого с модальными глаголами *sculan/scolan* и *wellen/wellan/wollen* имеют особенность, проявляющуюся в двойственном характере функционирования. Они участвуют в образовании сложного сказуемого с сохранением модального значения глаголов и аналитической формы будущего времени.

1). *Sculan/scolan* + инфинитив. Наиболее часто встречаемая конструкция в древневерхненемецком периоде. Модальный глагол *sculan/scolan* со значением «долженствовать» в сочетании с инфинитивом сохраняет лексическое значение необходимости реализации действий, процессов, выраженных инфинитивной пропозицией в различных типах текстов:

Ih gihu, thaz ich daz giloupa thaz ich gilouben ni scolda, thaz ich ni gilaupa thaz ich gilouben scolda (LB, 7)

«... что я верил в то, во что не должен был верить, что не верил в то, во что должен был верить»

Thes sculun uuir got simbles bitten... (PN WK, 11)

«Мы должны всегда просить Бога...»

Bithiu scal man dago gihuueliches thiz gibet singan (PN WK, 14).

Поскольку человек должен каждый день петь эту молитву

Ih scal thir sagen, min kind,... (Otf. EB, NFS; 13)

Я должен тебе сказать, мое дитя,...

Поскольку будущее время, как особая форма, отсутствовало в древнегерманских языках, оно развивалась в германских языках из отношений либо видовых (будущее совершенное, будущее начинательное), либо модальных (будущее совершенное, возможное или желанное) [3, с. 294].

Joh altquena thinu ist thir kind berantu,

Sun filu zeizan; Johannes scal er heizan. (Otf. EB, FDH; 30)

И твоя старуха родит тебе ребенка, сына очень милого, назовут его Иоганном.

Nu scal mih suqasat chind suertu hauwan. (HL, 37)

И меня убьет мечом мой собственный сын.

Daz scal der antichrist omit Eliase pagan (Musp, 38).

...что антихрист будет сражаться с Илией.

Как видно из примеров, лексическое значение модального глагола частично сохраняется. По наблюдениям Л. Р. Зиндер и Т. В. Строевой «всякое сочетание с модальным глаголом обязательно имеет футуральный оттенок: действие, которое субъект может, хочет или должен выполнить, еще только предстоит. Футуральное значение имеется и тогда, когда сохраняется модальное» [4, с. 117]. По их мнению, модальные обороты не могут считаться формами будущего времени, поскольку малая частота их употребления свидетельствует о неграмматизованности модальных конструкций.

Сравнительно-исторический анализ конструкций с модальными глаголами в германских языках, проводимый И. Р. Бунятовой, показывает частичное сохранение конкретного лексического значения в образовании форм модального будущего времени в древневерхненемецком и древнесаксонском языках [2, с. 198]. В некоторых современных германских языках, в частности в английском языке, глагол *shall* участвует в образовании форм будущего времени.

2) *wellen/wellan/wollen* + инфинитив.

Конструкции с модальным глаголом *wollen* (хотеть, желать) в современном немецком языке отражают факт наличия у субъекта некоторого желания, проявляющегося в момент речи. В древневерхненемецком языке глагол употребляется как в модальном значении:

Thio druhtin wolta machon (Ofr. EB NFS; 22)

Что господь хотел сделать

Wili mih dinu speru werpan (HL, 40)

Хочешь сбросить меня своим копьем

так и в конструкциях со значением будущего:

Nu will ich ufsten unte will in suochan after dero burg in gazzon unte in strazon (Williram, 12)

Тотчас встану и пойду искать его в этом городе на улицах и в переулках

Таким образом, обозначение будущего в древневерхненемецком языке с помощью модальных глаголов *sculan/solan* и *wellen/wellan/wollen* является продуктивным и по данным В. М. Жирмунского преобладающим [3, с. 294]. Однако в современном немецком языке эти формы не грамматизованы и употребляются только с модальным значением.

Дальнейшую перспективу исследований может составить анализ эволюции рассматриваемых нами конструкций, а также изучение структурно-семантических и функциональных особенностей составных сказуемых с другими модальными глаголами на разных этапах развития немецкого языка.

Литература

1. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 334 с.
2. Бунятова И. Р. Эволюция гипотаксиса в германских мовах (IV-XIII ст.). – К.: Вид.центр КНЛУ, 2003. – 327 с.
3. Жирмунский В. М. История немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1965 – 408 с.
4. Москальская О. И. История немецкого языка. – Л.: Просвещение, 1969. – 286 с.
5. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая морфология немецкого языка. – Л.: Просвещение, 1968. – 262 с.
6. Сравнительная грамматика германских языков. В 5-и т. – М.: Наука, 1966. Т. IV. Морфология. – 496 с.
7. Moser H. Deutsche Sprachgeschichte. 5. Aufl. – Tübingen, 1965. – 360 с.
8. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache. – Leipzig, 1970. – 428 с.

Список источников иллюстративного материала и принятых сокращений

HL – Hildebrandslied – Фрагмент рукописи 9 века.

LB – Lorscher Beichte – Рукопись 9 века.

Musp – Muspilli – Рукопись 9 века.

Ofr. EB NFS – Otrfrids Evangelienbuch. Neptue Factae Sunt – Рукопись 9 века.

Ofr. EB FDH – Otrfrids Evangelienbuch. Fuit in Diebus Herodis Regis Sagerdos Nomine Zacharias – Рукопись 9 века.

PN WK – Pater noster aus dem Weißenburger Katechismus – Рукопись 9 века.

Williram – Williram – Рукопись 11 века.

Дорофеев Ю. В.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ИНВАРИАНТНАЯ ФУНКЦИЯ ТЕКСТА

Перед каждым исследователем текста рано или поздно встает вопрос, для чего нужен текст? Что заставляет человека говорить? С какой целью продуцирует текст автор. Ответ на это вопрос непременно обуславливает не только точку зрения на анализ и интерпретацию текста, но и гносеологическую и методологическую позицию исследователя. Таким образом, определение основной функции текста явно или неявно заложено в каждом исследовании. Именно на основе этого определения выводятся остальные признаки текста, а также устанавливается степень значимости каждого отдельно взятого признака.

Цель нашего исследования – определить инвариантную (исходную) функцию текста и на этом основании дать функциональное определение текста. Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

– соотнести между собой ряд функций, традиционно приписываемых тексту;

– определить инвариантную функцию текста;

– охарактеризовать текст как функциональную систему с точки зрения реализации функции воздействия.

Текст – это единственная из всех форм существования языка и речи, которую мы можем наблюдать в объективированном виде и которая доступна для восприятия. Поэтому в самом общем виде текст можно определить как «речь, организованную в соответствии с преследуемой субъектом говорения целью» [12, с. 34]. Следовательно, язык, речь и текст – это, по сути, одно и то же явление в разных формах, то все, что было сказано учеными о функциях языка, напрямую относится к речи и к тексту, и, наоборот, все, что говорилось о функциях текста, относится к языковой системе в целом.

В современной лингвистике науке продолжается спор о том, какую функцию языка считать основной: коммуникативную (информирование), либо регулятивную (воздействие). Некоторые исследователи в качестве первичной функции выделяют: эстетическую, выражения, мыслительную, познавательную, кумулятивную и т. п. [11], но при этом особо отмечается тот факт, что «коммуникативная реализация языка – основная и первичная, все некоммуникативные реализации языка – вторичны» [6, с. 170]. М. М. Бахтин, обсуждая этот вопрос, отмечал, что игнорирование или недооценка коммуникативной функции языка приводит к тому, что «язык рассматривается с точки зрения говорящего, как бы одного говорящего без *необходимого* отношения к другим участникам речевого общения» [1, с. 258-259].